

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Козловой Марии Владимировны

«Концепции поэтического языка в эстетике XX века

(Хайдеггер, Гадамер, Бадью)»,

представленную на соискание степени кандидата философских наук

по специальности 09.00.04 – Эстетика

Диссертационное исследование Козловой М.В. посвящено аналитике концепций поэтического языка в рамках философских систем М.Хайдеггера, Х.-Г.Гадамера и А.Бадью.

Актуальность темы не вызывает сомнений по целому ряду причин.

Во-первых, вследствие экзистенциально-герменевтического «поворота», во многом определившего фарватер философских исканий в Европе XX века и до сих пор привлекающего внимание ученых.

Во-вторых, в силу наблюдаемой, начиная как минимум с эпохи постмодернизма, тенденции эстетизации и «олитературирования» различных областей гуманитарного знания – активного интегрирования в научный контекст как специфических средств художественного изъяснения, так и обширного арсенала понятий теории литературы и искусства.

В-третьих, в связи с недостаточной освещенностью данного комплекса проблем в отечественной науке.

Последнее обстоятельство во многом обуславливает и несомненную научную новизну предлагаемой диссертационной работы. М.В.Козлова вводит в обиход российской эстетики и искусствоведения малоизвестные статьи Гадамера, книги Хайдеггера («На пути к языку» и «Вклады в философии (о событии)») и Бадью («Условия», «Бытие и событие», «Логика миров»).

Широкий охват источников способствует достижению научной объективности результатов исследования.

Во введении, трех главах и заключении диссертации автор логично и последовательно демонстрирует универсальные и специфические особенности бытования «поэтического языка» в русле аналитических проектов указанных мыслителей.

Первая глава, содержащая многоаспектный анализ концепции поэтического языка в философии Хайдеггера, привлекает глубиной рассмотрения проблемы онтологического статуса эстетических феноменов метафоры и ритма. Поэтический ритм осмысливается как ритм самого бытия и форма сиюминутного становления. Продуктивным в данном дискурсе становится понятие «энергия», возможно, требующее более детальной проработки.

Вторая глава, посвященная герменевтической эстетике Гадамера, раскрывает понимание немецким философом слова поэзии как целостности, фундирующей и язык, и мир. Важным здесь представляется положение о произведении искусства как способе приращения бытия, а также понятие «высокого текста» - самодостаточной внереферентной структуры, которая может быть понята только изнутри себя.

В третьей главе автор обращается к философской системе Бадью, что привносит в исследовательский текст своеобразную драматургию в силу выраженной оппозиционности взглядов «фундаментального онтолога» Хайдеггера и герменевтика Гадамера, с одной стороны, и «инэстетика» Бадью – с другой.

Если Хайдеггер рассматривает поэтический язык не просто как средство коммуникации или систему знаков, но как «фундаментальный экзистенциал» человеческого бытия, как воплощение изначальной структуры присутствия (Dasein); если для Гадамера язык не что иное, как

«универсальная среда, в которой осуществляется само понимание», как «выражение мира», - то стратегию «инэстетики» современного французского философа, ориентированную на язык математики, теорию множеств, можно до известной степени охарактеризовать как деонтологизирующую.

«Поэзия должна сохранить свой автономный статус в качестве особой сферы мысли и процедуры производства истин, однако поэтический язык не имеет онтологического статуса и поэтическое слово не является словом самого бытия», - поясняет позицию Бадью М.В.Козлова.

Понимание поэзии как сингулярной формы мысли в противовес ее «герменевтическому» и «онтологическому» толкованию (при всей спорности подобно подхода, отрицающего, в частности, музыкальное начало поэзии) позволяет оценить масштабность и разнонаправленность интерпретаций поэтического языка в европейской философии XX века.

Несомненной удачей автора можно считать эмпирический анализ конкретных проявлений поэтического языка – непосредственное обращение к творческой практике Фридриха Гёльдерлина, Георга Тракля, Пауля Целана, Октавио Паса.

При этом нельзя не согласиться с теми положениями М.В.Козловой, в которых она, вслед за Хайдеггером, распространяет концепт «поэтический язык» на всю сферу художественного творчества, понимая его как онтологическую праснову произведения, созданного в любом виде и роде искусства: «Поэтическое понимается Хайдеггером предельно широко – как искусство, которое и есть то пространство, в котором истина бытия впервые выходит на свет». Таким образом «эстетическая история искусства становится онтологической историей бытия, так как каждый раз, когда истина полагается вовнутрь творения, разверзается новый мир».

В этой связи в качестве расширения как проблемного поля исследования, так и его эмпирической базы, можно посоветовать диссертанту

в дальнейшей научной работе обратиться к материалу пластического и игрового искусства, в отношении которых столь же актуальны такие феномены, как мимесис, метафора, метонимия, ритм, синтаксис, мелодика и др. Основные положения, выдвинутые автором в предлагаемой диссертации, как и сделанные выводы, могут быть интегрированы в контекст специфики различных видовых и жанровых особенностей искусства с целью поиска универсальных структур художественных форм и общности стратегий их рецепции и интерпретации.

Не умаляя достоинств проведенного М.В.Козловой исследования, можно обратить внимание автора на ряд отдельных моментов, работа над которыми могла бы быть продолжена им в будущем.

В части 3.3. первой главы диссертант обращается к явлению цезуры – разрыва ритмической структуры стихотворного текста, справедливо указывая на возникающую в ситуации остановки, лакуны «напряженности ожидания, из которого... возникает «чистое слово» – место истины в произведении». В данном контексте напрашивается аналогия с теорией «дословного» современного исследователя О.В.Беспалова («Символическое и дословное в искусстве XX века», 2010), посвященной эстетическому и искусствоведческому анализу структурных и семантических пауз в произведениях различных видов искусства.

В 1 параграфе второй главы, в контексте диалектики Я и Другого, уместным представляется обращение к диалогической теории М.Бубера – отношений «Я» и «Ты» в экзистенциально-онтологическом ракурсе.

В части 2.2 второй главы, посвященной многозначности поэтического языка, дополнительные содержательные обертоны могла бы добавить концепция «художественной открытости» и «открытого произведения» У.Эко.

В части 2.3. второй главы, касающейся проблемы мимесиса, уместным кажется обращение к современным исследованиям О.Б.Дубовой «Мимесис и поийэсис. Античная концепция подражания в европейской теории художественного творчества» (2001) и В.А.Крючковой «Мимесис в эпоху абстракции. Образы реальности в искусстве второй парижской школы. (2010), рассматривающим, помимо прочего, концепцию мимесиса в значении *modus operandi* – подражания по способу действия.

В целом диссертационное исследование, проведенное М.В.Козловой, выполнено на современном уровне. В представленной работе изучен опыт зарубежных и отечественных исследователей, сформулированы обобщения, выводящие наше понимание феномена поэтического языка на новый уровень, освоен большой объем источников.

Текст диссертации хорошо структурирован, что облегчает его понимание, построен четко и логично.

Не вызывает сомнений и практическая ценность исследования: результаты работы могут быть использованы при чтении лекционных курсов по теории искусства, эстетике, истории философии и литературоведению. Кроме того, они способны оказать влияния на самих мастеров искусства.

Сделанные замечания не снижают высокой оценки представленной к защите работы, они скорее намечают возможные направления дальнейших научных поисков.

Текст автореферата корректно отражает содержание диссертации.

На основании вышеизложенного считаю, что диссертация Козловой Марии Владимировны на тему «Концепции поэтического языка в эстетике XX века (Хайдеггер, Гадамер, Бадью)» полностью отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата философских наук (раздел II «Положения о присуждении ученых степеней», утв. положением Правительства РФ от 24 сентября 2013 года с

последующими изменениями, № 842), а также паспорту номенклатуры специальностей научных работников 09.00.04 – Эстетика (философские науки).

Диссертант, безусловно, достоин присуждения искомой ученой степени.

Кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
отдела теории искусства
ФГБНУ «Научно-исследовательский институт
теории и истории изобразительных искусств
Российской академии художеств»

С.С.Ступин

20 августа 2015 года